

Э. В. Измайлова

Трансформация визуальной среды отечественной культуры детства: 1985–1991 гг.

Поднимается проблема воздействия визуальной среды на культуру детства в контексте отечественной культуры периода перестройки. Раскрывается зависимость визуальной сферы детской культуры от определенного исторического состояния национальной культуры в целом, включая историко-контекстуальные обстоятельства, состояние ценностно-смысловой и политико-идеологической сфер, господствующих стереотипов поведения и т. д. Дается характеристика культуры детства предшествующего перестройке периода, включая ее визуальный фон, во многом регулируемый со стороны государства. Анализируются основные тенденции культуры перестройки как начала переходного периода, сочетающего черты уходящего типа культуры с появлением большого потока инноваций, во многом пришедших извне. Раскрываются особенности визуального контента детской культуры, отражающего противоречивые тенденции времени. Текст содержит ряд примеров детской визуальной продукции, включая печатные издания, агитпродукцию, киножурналы, художественные и документальные фильмы, иллюстрирующие и обосновывающие изложение материала и выводы статьи. Делается вывод о том, что визуальная среда культуры детства нуждается в «защитном поясе» и системном регулировании со стороны государства с целью сохранения и популяризации системообразующих основ отечественной культуры, обеспечивающих ее культурогенетическую преемственность и устойчивость.

Ключевые слова: культура детства, визуальная среда, советская культура, перестройка, коммуникации, переходная эпоха

Emma V. Izmailova

Features of the national culture of childhood: 1985–1991

The problem of the impact of the visual environment on the culture of childhood in the context of the national culture of the period of perestroika is raised. The author reveals the dependence of the visual sphere of children's culture on a certain historical state of the national culture as a whole, including historical and contextual circumstances, the state of value-semantic and political-ideological spheres, the prevailing behavior stereotypes, etc. The characteristic of the childhood culture of the period preceding perestroika, including its visual background, is much regulated by the state. The article analyzes the main trends of the perestroika culture as the beginning of the transition period, combining the features of the outgoing type of culture with the appearance of a large flow of innovations, largely coming from outside. The author reveals the features of the visual content of children's culture, reflecting the contradictory trends of the time. The text contains several examples of children's visual products, including printed publications, propaganda products, newsreels, feature films and documentaries that illustrate and justify the presentation of the material and the conclusions of the article. It is concluded that the visual environment of childhood culture needs a «protective belt» and system regulation by the state in order to preserve and popularize the system-forming foundations of national culture, ensuring its cultural and genetic continuity and stability.

Keywords: childhood culture, visual environment, Soviet culture, perestroika, communications, transitional era

DOI 10.30725/2619-0303-2020-2-26-32

Период истории советской культуры с 1985 по 1991 г. ознаменовал собой историческую эпоху преобразований. Кризисные симптомы развития страны в рамках советской политической системы привели к реформам, направленным на их преодоление в рамках перестройки, что в свою очередь повлекло за собой фатальные последствия в виде распада Советского Союза.

Так, если с начала 1980-х гг. и вплоть до перестройки внешняя сторона советского общества в целом все еще представляла собой монолитную, цельную систему, развивающуюся по привычному образцу и существующую в ценностно-смысловом конструкте, соответствующем советской идеологии, то с середины 1980-х гг. в период перестройки на-

ступает время коренных изменений во всех сферах жизни общества, закономерно отразившихся и на всей советской культуре, включая сферу культуры детства.

Наболевшие, острые политические и социальные вопросы, зародившиеся в период «застоя», требовали своего разрешения и возможности открыто говорить о них. И. В. Кондаков, анализируя данный аспект, отмечает, что недовольство многими «застойными» явлениями рождало противоречивые общественно-политические и культурные ожидания [1, с. 148]. Подобные тенденции привели к тому, что, пройдя через эпоху перемен, общество оказалось раздробленным и растерянным. Для одних перестройка стала символом надежды на новое, светлое будущее; для других она означала

крушение всей системы ценностей, потерю советской культурной идентичности. Нарастающий социально-экономический кризис усугублял ситуацию, приближая распад государства.

Политика управляемой гласности, провозглашенная в 1987 г., будучи основополагающим вектором перестроечного времени, изначально рассматривалась как эффективный метод борьбы с бюрократией и косностью старой политической системы, призванной стать своеобразным коммуникационным мостом между обществом и властью.

Новая политика выразилась в расширении и открытости информационного поля и возможности выражать свою позицию. Как реакция на горбачевские нововведения активно развивалась публицистика, появлялись новые издания, ставшие «светочами гласности», возросло влияние средств массовой информации, в частности, телевидения. С. В. Новиков отмечает, что «Средства массовой информации многократно увеличивали аудиторию, создавая условия для объединения лиц, ранее не знавших, не видевших друг друга, обеспечив возможность организации будущих общественных движений и партий» [2, с. 9]. На СМИ, как указывают С. В. Устинкин и Л. Н. Ульямаева, была возложена функция пропаганды новой партийной политики, образа жизни, освещения процесса демократизации и либерализации общества [3, с. 25].

Гласность была призвана способствовать не только ликвидации всех препятствий в распространении информации, но и снятию надзора над творческими объединениями. В дальнейшем правительством было принято решение о прекращении глушения западных радиостанций, что способствовало легальному проникновению иностранного контента в российскую культуру. В результате это привело к тому, что зарубежная продукция, постепенно внедряясь в отечественную культуру, значительно ее потеснила, кардинально влияя на ценностно-смысловую направленность советского общества. Указанная ситуация перемен нашла свое выражение в переосмыслении многих историко-культурных и политических событий, отразившись на специфике визуальных образов в экранной, книжной, иллюстративной и другой визуальной продукции данного периода, в соответствии духу перестроечного времени, его ценностно-смысловым и политико-идеологическим настроениям.

В данной продукции появились образы, в которых явно прослеживалась критика советской внутренней политики, включая политические и общественные преобразования, осуществляемые с самого начала становления власти Советов. Под критику попали репрессивные действия, коллективизация, индустриализация и другие моменты в истории Советской России, воспринимаемые как неоднозначные и спорные. Высмеивались и порицались такие обще-

ственно-политические пороки и явления, как застой, бюрократия, идеологические догмы и др. Внутренние трансформации, происходившие в общественном сознании «на почве растерянности» и потери прежних ориентиров, приводили к поиску новых смыслов.

Анализируя данные процессы, необходимо отметить, что период с середины 1980-х гг. по 1991 г. в исследованиях феномена детства в контексте визуальной культуры является малоизученным. Тем не менее изучение культуры детства в данном аспекте представляет особую значимость для более глубокого понимания механизмов ее трансформаций в изменяющихся социокультурных реалиях. Учитывая тот факт, что поколение детей указанного периода сегодня является социальной активной частью общества, анализ, проведенный в настоящем исследовании, поможет лучше понять и проанализировать генезис современного социума, трансформации ценностно-смысловых ориентаций, особенности взаимодействия разных возрастных групп и причины межпоколенных конфликтов в рамках исследований отечественной культуры. Кроме того, анализ общих закономерностей трансформаций культуры детства изучаемого времени, с учетом изменений ее информационного, в частности визуального, фона, представляет интерес и для современного периода в вопросах поиска закономерностей генезиса и путей коррекции детской культуры в рамках воздействия определенного визуального контента.

Культуру детства с 1985 по 1991 г., как и культуру страны в целом, можно с уверенностью назвать переходной эпохой, олицетворяющей собой период ее кардинальных трансформаций. А. С. Ляшок в своей статье справедливо характеризует поколение детей данного времени как «пограничное», поскольку «школьное детство» этих детей началось в одной социокультурной среде, а закончилось в совершенно иной ценностно-смысловой парадигме [4, с. 149]. С одной стороны, это выразилось в том, что на начальном этапе перестройки детская культура сохраняла ту форму и структуру, так долго и целенаправленно создававшуюся советскими идеологами на протяжении 70 лет. С другой – все вышеозначенные проявления переходности уже начали проникать в ее аксиосферу, изменяя элемент за элементом и формируя противоречивую систему ценностей. Проследить подобные трансформации ценностно-смысловых основ культуры детства можно через анализ визуальной продукции, окружающей советского ребенка в рассматриваемый период.

Как уже было отмечено, на начальном этапе перестройки в культуре детства доминировали установки, выкристаллизовавшиеся на протяжении всего советского периода, включая соответствующее визуальное выражение. В частности, одним из самых очевидных и важных институтов

формирования советских детей являлась школа, включая школьное пространство, которое выступало одним из решающих факторов воздействия на сознание и поведение детей. Идеологическая и нравственная подготовка являлась одной из приоритетных в учебно-образовательном процессе. Школа не только давала знания, но и воспитывала в детях такие качества, как патриотизм, коллективизм, честность, трудолюбие. Жизнь советского ребенка была многогранной, наполненной постоянными разноплановыми школьными мероприятиями, призванными сформировать в ребенке чувство общности со своими ровесниками и причастности к общим идеям, выработать стремление стать достойным гражданином своей страны, продолжателем дела партии, привить желание трудиться на благо Родины в построении социалистического государства.

Если рассматривать школьное пространство через призму визуальной культуры, то становится очевидным, что визуальная составляющая выступала во многом первоочередной в перечне идеологических и воспитательных инструментов. Визуализация транслируемых идей в классах и рекреациях реализовывалась через информационные стенды, на которых размещались портреты вождей и видных политических деятелей, стенгазеты, плакаты, рисунки, лозунги и др. Как указывает в своей работе А. С. Ляшок, «атрибуты и границы школьной повседневности не только четко артикулировались, но и визуализировались, очерчивались, схематизировались, тем самым порождая для детей внутри пространства школы локальные зоны и зрительные шаблоны» [5, с. 79].

Вся визуальная среда, окружающая советских детей, была выстроена так, что невозможно было проигнорировать или не заметить посылов, целенаправленно воздействовавших на детское сознание. Таким образом, культура детства непосредственно предшествовавшего перестройке периода продолжала формироваться согласно принятым идеологическим установкам, а школа по-прежнему играла первостепенную роль в организации жизни детей, координируя не только учебную деятельность, но и внешкольные мероприятия, а также активно следила за жизнью детей вне школьных стен.

Обозначенное состояние культуры детства уместно охарактеризовать как «полномасштабно советское». Согласно идеологическим нормам, советский ребенок должен был быть не только отличником, но и образцовым гражданином, который в будущем станет продолжателем заветов Ильича, строителем коммунистического государства, активным членом социалистического общества. Основными темами, составляющими ядро детской культуры описываемого периода, выступали темы Родины, защиты отечества, труда, мира, дружбы народов, спорта и др. Активность и инициативность рассматривались как важней-

шие качества юного строителя коммунизма, но при этом подвергались порицанию такие качества, как противопоставление личных интересов коллективу, частнособственнические проявления и т. п. Данные темы активно транслировались и прививались через визуальные коммуникации.

К визуальным инструментам, действовавшим на детскую культуру и подчеркивающим принадлежность детей к коммунистической партии и обществу, можно отнести и школьную форму, с присущими ей атрибутами – пионерским галстуком, значком октябренка и т. д. Так школьная форма к середине 1980-х гг. все еще являлась явным транслятором единого визуального стандарта внешнего вида детей.

То же самое касается оформления детских садов, библиотек, мест детского досуга. Данные пространства оформлялись в едином стиле, с обязательным использованием советской атрибутики. Портреты деятелей партии, бюсты из гипса, плакаты идеологической направленности, лозунги, красные уголки с самого раннего детства становились обязательной визуальной составляющей мира ребенка.

Анализ иллюстративных изображений детских журналов «Пионер» и «Костер» с начала 1980 по 1985 г. показывает, что данный вид визуальных коммуникаций полностью отвечает советской идеологической компоненте, транслируя идеалы и ценности данного периода. Изображения Ленина, октябрят и пионеров доминируют над другими образами, формируя единый визуальный ряд, с четко выраженными элементами советского социокультурного пространства. Это и обилие красного цвета в изображениях советской атрибутики, и неперемнная тематическая привязка обложки издания к знаковым политическим или культурно-историческим событиям эпохи, а также внутреннему содержанию журнала. Так, например, иллюстративный ряд апрельских номеров детских периодических изданий зачастую был связан с ленинской и космической тематикой. На обложках изображался вождь мирового пролетариата либо Ю. А. Гагарин и другие космонавты, космические корабли, ракеты, орбиты планет и др. Майские обложки в разных вариациях посвящались майским праздникам – Дню международной солидарности трудящихся и Дню Победы. Началу учебного года посвящались сентябрьские обложки. На них чаще всего на фоне осенних листьев изображались школьники, идущие в школу. Октябрьские номера традиционно посвящались революционным событиям. Теме Нового года отводилось место в декабрьских выпусках. Как правило, новогодние выпуски иллюстрировались в зимней праздничной манере, с обязательным наличием снега, сказочных героев, новогодних елок, игрушек и часов. Также отдельно на обложках детских журналов освящались темы дружбы народов, труда, спорта и др.

Изучение указанных периодических изданий показывает, что их иллюстративный ряд являлся транслятором глубокой смысловой нагрузки, находящей отклик в детском восприятии, а также тем, наиболее актуальных для детской аудитории. В иллюстрациях данного периода можно увидеть не просто яркие рисунки, а сообщения, посредством которых читатель-ребенок мог понять, о чем будет данный выпуск. Внутренние иллюстрации так же максимально полно были привязаны к тексту, что помогало детской аудитории погрузиться в содержание, живо представляя себе образы и идеи, транслируемые посредством визуальных коммуникаций.

Еще одной характерной особенностью иллюстраций и обложки в это время являлось практически полное отсутствие в изображениях абстракции. Рисунки были призваны жизненно и натурально отражать посыл автора. Стоит отметить, что обложки изданий не всегда были нарисованными, периодически в качестве иллюстраций выступали фотографии или коллажи из рисунков и фото.

Тем не менее мир детской культуры с середины 1980-х гг., представляя из себя своеобразную динамическую систему, включающую сердцевину, во многом состоявшую из фундаментальных советских установок, находился в постоянном движении. Так уже в начале перестройки, под влиянием начавшихся и постепенно усиливавшихся изменений социокультурного и политико-идеологического контекста, ценностно-смысловые ориентиры и стереотипы поведения детской культуры постепенно начинают меняться и отражать переходные процессы. В частности, перемены касались прививаемого образа идеального советского ребенка с присущим типом мышления и поведения. Несмотря на то, что культура детства, как и прежде, в целом оставалась под неусыпным контролем взрослых (в лице родителей, воспитателей и школьных учителей), она стала отражать влияние гласности, открытости, свободы слова и других аспектов перестроечного времени, что породило внутренние противоречия в ее ценностно-смысловых и поведенческих ориентациях.

Визуальное пространство, окружающее ребенка в указанное время, характеризовалось определенной гибриднойостью, отражая различные аспекты советской культуры предыдущих периодов, а также перестроечные тенденции, выраженные в обновлении советских аспектов и проникновении феноменов западной культуры, порой сильно противоречащих друг другу.

Противоречивые тенденции времени можно отследить на примере иллюстративного ряда детской периодической литературы, по-прежнему включавшей в себя рассказы и повести о Ленине, комсомольцах, пионерах и т. д. Однако ценности, присущие данным темам, стали постепенно терять свою устойчивость на фоне критики многих феноменов советской культуры, а также повыше-

ния интереса к Западу, поскольку «традиционные ценности советской культуры, которые школа продолжала транслировать в 1980-е гг., начали расходиться с жизненными реалиями» [4, с. 152]. Несмотря на то, что пионеры и комсомольцы все еще выступали в роли образцовых кумиров, начали появляться и другие герои, являвшиеся отражением новых социокультурных реалий.

На раннем этапе перестройки политика по-прежнему являлась одной из центральных тем в мире детства. С подрастающим поколением продолжали обсуждать важные политические темы – через газеты, журналы и другие визуальные источники, адаптированные для детского восприятия. Но если в до-перестроечное время многие темы и факты политической жизни были ограничены цензурой не только для детей, но и для взрослых, то в данный период информационный фон культуры расширился.

Так, например, в журнале «Костер» № 1 за 1988 г. вышла статья И. Соловьева, в которой затрагивалась тема перестройки, а в качестве предисловия выступила цитата из приветствия М. С. Горбачева в пионерском лагере Артек: «Перестройка – продолжение дела Октября. Революция продолжается! Фронт перестройки проходит повсюду, где трудятся советские люди, в том числе – и через школу, через пионерскую организацию. Значит, и вам, пионерам, надо всем вместе и каждому в отдельности задуматься: а все ли вы делаете, как можете, в полную ли силу учитесь и трудитесь?» [6, с. 1]. В качестве иллюстрации к данной статье выступает рисунок, на котором изображены счастливые, улыбающиеся пионеры – юноша и девушка, с повязанными на шею красными галстуками. Юноша, с закатанными рукавами, олицетворяет своим видом готовность к реализации установок партии. Рядом с ними стоит маленький октябренок с красным флажком в руках и октябратской звездочкой на груди, символизируя новое подрастающее советское поколение. Данный рисунок достаточно типичен для аналогичной детской визуальной продукции предшествующего периода, поскольку он отражает эволюционные трансформации советской культуры, сохраняя ее общую политико-идеологическую направленность и транслируя все те же привычные советские образы, осовремененные веянием перестроечных реформ.

В рассматриваемый период предпринимались попытки сохранения авторитета пионерской организации и объединения октябрят, в том числе при помощи визуальных средств. Необходимо указать, что судьба этих организаций обсуждалась и детьми, писавшими письма и статьи в адрес редакции. Анализ данных писем показал, что детское сообщество разделилось на два лагеря – тех, кто считал, что данные организации важны и нуждаются в обновлении и тех, кто рассматривал эти институты как пережитки прошлого, неэффективные и более не нужные. От-

крыто высказывались мнения относительно бюрократизации пионерской организации, отсутствия необходимой свободы в принятии решений, а также снижения значимости идейной компоненты.

Конец 1980-х гг. стал периодом, наиболее ярко демонстрирующим те противоречивые процессы, которые происходили в культуре детства, выражая тенденции соединения во многом противоположных ценностно-смысловых и поведенческих аспектов. В частности, анализируя многие иллюстрации журнала «Пионер», начиная с конца 1980-х гг. и вплоть до его закрытия в 1991 г., можно констатировать, что визуальная компонента, отвечающая советским идеалам, стала постепенно утрачивать свою актуальность. Уменьшилось число изображений Ленина, октябрят и пионеров; как в целом и других изображений, которые так или иначе можно было бы соотнести с советским периодом. Показательно, что на место прежних наполненных смыслом обложек пришли нейтральные изображения, никак не отражающие общественные и политические изменения в советской культуре. Практически каждая обложка номера носила пространственный, отвлеченный характер, зачастую не сопряженный с внутренним литературным наполнением.

Еще десятилетие назад, в 1970-е гг., невозможно было представить себе, чтобы в молодежных журналах публиковались статьи, посвященные половому воспитанию, наркомании и т. п. Так журнал «Ровесник», начиная с июля 1989 г., стал публиковать главы книги Ди Снайдера – известного американского рок-музыканта «Курс выживания для подростков», в которой подробно и откровенно рассматривались вопросы контрацепции, ранней беременности, опасности венерических заболеваний [7, с. 24].

Если в первой половине 1980-х гг. для советских школьников кумирами выступали пионеры-герои и комсомольцы, то в начале 1990-х гг. ситуация изменилась – школьники уже не имели желания быть похожими на прежних кумиров, а в большей степени ориентировались на артистов театра и кино, спортсменов, собственных родителей, и на самих себя [4, с. 151]. Данная тенденция отчетливо свидетельствует о том, что культурные, общественные и политико-идеологические трансформации в СССР в конце 1980-х гг. коренным образом изменили направление в развитии детской культуры, предложив ей альтернативную реальность, отличную от той, в которой данная культура формировалась раньше.

Как изменились настроения детской аудитории конца 1980 – начала 1990-х гг., показывают письма детей в адрес редакции «Пионер». Зачастую из таких писем следует, что детская периодика не поспевает за развитием и расширением интересов своих читателей, т. е. реальная жизнь и та, которую транслировали многие издания, стали «размежевываться» друг от друга во времени и пространстве.

Вот несколько примеров таких писем, подписанных советскими школьниками из разных городов страны: «Какую чепуху печатаете. Ужас! Журнал для подростков, а вы с пиратами да играми дурацкими. Лучше бы писали побольше о подростках, любви и сексе...»; «Люблю, но могу без него жить. Но почему-то вы не печатаете его фотографию. Если и дальше не будете печатать Ромочку Жукова, журнал выписывать не буду. Вот так»; «Я считаю, что музыке вы уделяете совсем мало места. А ведь мы ждем журнал именно из-за этих страниц. А информация ваша? Она уже давным-давно устарела. А вы все печатаете и печатаете» [8, с. 8].

Всеобщее снижение цензуры культуры, гласность и свобода слова значительно расширили рамки дозволенного и привычного для советского человека. Например, данные тенденции нашли достаточно яркое отражение в кинопродукции рассматриваемого периода, свободной от запретов и готовой предложить зрителю альтернативную трактовку социокультурной реальности и историко-культурных событий. В результате стали появляться фильмы, прямо или косвенно пересматривающие многие аспекты советской ценностно-смысловой системы и истории, что способствовало изменению устойчивых нарративов советского прошлого, во многом созданных ранним советским кинематографом. Обозначенную тенденцию можно увидеть в таких фильмах, как «Холодное лето пятьдесят третьего» (1987), «Европа танцевала вальс» (1988), «Похороны Сталина» (1990), «Война» (1990), «Ближний круг» (1991), «Царевубийца» (1991), «Царская охота» (1991), «Афганский излом» (1991), «Утомленные солнцем» (1994) и др. Так же в рассматриваемый период в страну стали проникать зарубежные фильмы о советской истории, представляющие иной, порой достаточно тенденциозный, взгляд на ее события: «Николай и Александра» (1971), «Побег из льдов» (1982), «Красный монарх» (1983), «Белые ночи» (1985), «Из России с любовью» (1985), «Архангел» (1990), «Невеста Сталина» (1991) и др.

Анализ происходящих изменений показывает, что в таких условиях, впитывая кризисные симптомы времени и утрачивая идейно-смысловую устойчивость, культура детства, во многом оставшись без «защитного пояса» [9, с. 56] и целенаправленного воздействия со стороны государства, вошла в полосу «ценностно-смыслового плюрализма», который, скорее, напоминал эклектику противоречивых элементов. Например, в данный период появляются кинокартины, где через детские персонажи отражено общество, лишенное собственной идентичности, утратившее ценности и идеалы прошлого: «Шут» (1988), «Дорогая Елена Сергеевна» (1988), «До первой крови» (1989), «Я сюда больше никогда не вернусь» (1990).

Другим показательным примером, отражающим указанные тенденции переходности и их влияние на

детскую культуру, является киножурнал «Ералаш». Так, например, выпуск Ералаша № 70 «Машина времени» (1988) показывает детей времен «перестройки» – мы видим, как они несут и устанавливают стенды с надписью: «Перестроился сам – помоги товарищу!». Руководит данным мероприятием большой упитанный мальчик в свитере с надписью «Перестройка». Неожиданно к этому мальчику подбегает девочка, которая рассказывает ему, что Метелкин изобрел машину времени. Все бегут смотреть на эту машину, просят «вызвать» дух какого-нибудь исторического деятеля, и Метелкин вызывает Сталина. Все дети с ужасом смотрят на него в оцепенении, пока мальчик в свитере не выкрикивает: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!». Остальные дети начинают тихо, затем громко аплодировать. Машина времени начинает дребезжать, и Сталин, сказав до этого, «Правильно мальчик!», исчезает. Мальчик в свитере подбегает к Метелкину и кричит ему: «Ты бы еще Берию позвал, придурок!».

В выпуске № 63 «Куда податься?» за 1987 г. в шуточной форме подается отношение молодого поколения к комсомолу. Пятеро подростков не знают, чем себя занять – кто-то сидит зевает, кто-то пинает жестяную банку, кто-то, развалившись на ящиках от бутылки, пьет лимонад. Один из подростков говорит: «Скучно живем, пацаны! Может, в металлисты податься?!». Товарищ ему отвечает: «Да ну! А где цепи брать будем? Потом заклепки ставить, ошейники клепать...». Тогда другой подросток предлагает вступить в «брейки», но получает ответ, что там танцевать надо, на хребте крутиться... Следующее предложение «вступить в панки» так же встречает отказ, так как панкам стричься и краситься надо, а еще их «любера» бьют. А в «любера» идти тоже не хочется – панки могут побить. Тогда юноша, начавший весь этот разговор, предлагает: «Мужики! Идея! А давайте в комсомол запишемся, там ничего делать не надо!». После все пятеро, с криками «Ура!» бегут в районный комитет ВЛКСМ и записываются в комсомол.

Показателен также пример критики публичных коллективных порицаний школьников, в частности, осуждения попыток так или иначе противопоставить себя коллективу, одновременно высвечивающий новые тенденции в визуальном аспекте культуры подрастающего поколения. В данном выпуске № 64 «Как все!» за 1987 г. мы видим сконфуженного школьника, с длинными рыжими волосами, в обычной советской школьной форме. Школьник, по всей видимости, находится на собрании своих сверстников, одноклассников, ругающих его за длинные волосы и общий внешний вид. Мы слышим, как со всех сторон раздаются реплики: «Как тебе не стыдно, Сидоркин! Почему ты все время хочешь выделиться?!», «Позор», «Коля, ты пойми, что мы думаем о твоей же пользе! Нельзя же все время противопоставлять себя своим товарищам!», «Я б с тобой в разведку не пошел!», «Да,

что с ним разговаривать?! Отвести его в парикмахерскую!», «Дать ему по шее!». В конце ролика, уже плачущего Сидоркина спрашивают, все ли он понял. Тот кивает и слышит в ответ, чтобы завтра же он пришел в таком же виде, как все. Камера отдалается, и зритель видит, что Сидоркин окружен ребятами – панками и металлистами с ирокезами на головах, с накрашенными глазами и губами, в цепях и кожаных куртках.

Полноценным источником изучения процессов трансформации детской культуры в период перестройки, включая параллельно сосуществующие и эклектичные формы ее советских и инновационных аспектов, выступает многосерийный документальный фильм С. Мирошниченко «Роджденные в СССР» (1990). Данный фильм раскрывает процессы, происходившие в культуре периода перестройки и распада СССР и отношение детей к данным событиям. В фильме можно отследить и трансформацию визуальной среды, окружающей детей. Эти документальные кадры являются свидетельствами того, как старая советская символика продолжала жить даже после распада – Союза, соединившись с новыми образами, наводнившими прежнее визуальное пространство. Советская символика: флаги, портреты и бюсты вождей, барельефы на зданиях, лозунги и красные уголки, – не исчезли сразу и безвозвратно, а просто приняли в свое пространство нечто новое, нередко слабо соответствующее органике отечественной культуры и несочетаемое с ее системообразующими ценностями и стереотипами поведения, пришедшее извне. С самых первых кадров зритель видит в музыкальном классе профиль Ленина на стене. Стены школьных учреждений все еще отражают уходящую советскую эпоху: стенд с надписью «За успешное освоение целинных и залежных земель ВЛКСМ награжден орденом Ленина», «За выдающиеся заслуги перед Родиной в годы Великой Отечественной войны ВЛКСМ награжден орденом Ленина» и др. На соседней стене висит текст Гимна СССР. Кажется, что ничего не изменилось, но многие дети, которые попадают в объектив камеры, уже не носят традиционную школьную форму, напротив, во внешнем облике некоторых из них уже отчетливо проявляются западные модные тенденции. Это импортные платья, шапки, куртки, кроссовки. Учитывая тот факт, что советская культура практически во всех своих аспектах вплоть до указанного периода представляла собой сложившуюся систему идеалов и визуальных образов, подобное смешение стилей западного и отечественного можно так же рассматривать, как еще один симптом переходного времени. В СССР указанного периода проникала не только мода на определенную одежду, но и мода на зарубежное кино, ранее недоступное широкому зрителю, но имевшее достаточно высокую степень воздействия на сознание и поведение широких

масс. Повсеместно открывались видеосалоны, в которых можно было посмотреть американские фильмы. Особой популярностью пользовались боевики с участием Сильвестра Сталлоне, Арнольда Шварценеггера, Брюса Ли, Чака Норриса и др.

Фильм «Рожденные в СССР» показывает, что в конце периода перестройки в культуре детства явно обозначился противоречивый синтез, а порой и химеричность ценностно-смысловых основ и поведенческих стереотипов социалистической и рыночной систем. Как показало время, данный синтез оказался скорее во многом неудачным, чем наоборот. Подобное искажение архитектоники отечественной культуры привело к хаосу, эклектичному сочетанию разнородного, разносмыслового, разноидейного.

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что культура детства имеет достаточно пластичную структуру, высокую степень влияния на которую имеют визуальные коммуникации. Визуальное наиболее понятно для ребенка, это максимально эффективный канал формирования его культурного облика, ценностно-смысловой сферы, чувства идентичности, гендерных и поведенческих аспектов. С увеличением технического уровня развития визуальных коммуникаций данный канал используется все сильнее, позволяя выстраивать, корректировать и направлять детскую культуру в необходимое русло.

Опыт изучения практик влияния на детскую культуру при помощи визуальных коммуникаций в рамках СССР показывает, что целенаправленное и системное воздействие на нее со стороны государства позволяло создать устойчивую среду, соответствующую национальным интересам отечественной культуры в соответствующий период ее истории. В свою очередь, в контексте переходных процессов, при ослаблении государственного участия, детская культура начинает отражать противоречивые тенденции времени, транслируя стихийный информационный фон и обретая внутреннюю противоречивость и эклектичность. Опыт данной ситуации показал, что ослабление внимания государства к информационному регулированию сферы детства может иметь тотальные последствия для становящегося поколения как носителя определенной культурной традиции. Даже в переходные периоды информационный фон культуры детства нуждается в наличии и популяризации системообразующих, инвариантных основ отечественной культуры, обеспечивающих ее культурогенетическую преемственность и устойчивость.

Указанные выше противоречивые тенденции переходного времени стали постепенно сглаживаться и устраниваться посредством целенаправленного государственного регулирования сферы детства лишь в начале 2000-х гг. При этом данный процесс с течением времени только усиливался, достигнув эффективного уровня воздействия на детскую культуру лишь в наши дни.

Список литературы

1. Кондаков И. В. Цивилизационный дрейф постсоветской России // Мир культуры и культурология: альманах / Науч.-образоват. культурол. о-во России. Санкт-Петербург, 2016. Вып. 5. С. 144–158.
2. Новиков С. В. Либеральный и ортодоксальный дискурс как альтернатива курсу гласности в период трансформации политической системы СССР: 1985–1991 гг. // Омский научный вестник. 2015. № 3 (139). С. 9–12.
3. Устинкин С. В., Ульмаева Л. Н. Перестройка и гласность (об источниках формирования современной политической коммуникации власти и общества в России) // Власть. 2009. № 10. С. 24–27.
4. Ляшок А. С. «Дети перестройки»: жизненные миры школьников 1980-х – 1990-х годов // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2013. № 2 (22). С. 148–155.
5. Ляшок А. С. Трансформация детской повседневности в социокультурном пространстве школы (на материале 1980-х – 1990-х гг.): дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Краснодар, 2013. 200 с.
6. Соловьев И. Перестройка – продолжение дела Октября // Костер. 1988. № 1. С. 1–2.
7. Снайдер Ди. Курс выживания для подростков // Ровесник. 1989. № 7. С. 24–28.
8. Узел связи // Пионер. 1991. № 12. С. 8.
9. Иконникова С. Н. «Защитный пояс» культуры и стратегии отношения к детству // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 4 (37). С. 56–59.

References

1. Kondakov I. V. Civilizational drift of post-Soviet Russia. World of culture and culturology: almanac / Sci. and Educational Cultural Soc. of Russia. Saint Petersburg, 2016. 5, 144–158 (in Russ.).
2. Novikov S. V. Liberal and orthodox discourse as an alternative to glasnost course during the USSR political system transformation: 1985–1991. Omsk Scientific Bulletin. 2015. 3 (139), 9–12 (in Russ.).
3. Ustinkin S. V., Ulmaeva L. N. Perestroika and glasnost (on the sources of the formation of modern political communication of power and society in Russia). Power. 2009. 10, 24–27 (in Russ.).
4. Lyashok A. S. «Children of perestroika»: life worlds of schoolchildren of the 1980s – 1990s. Bulletin of Perm University. Ser. History. 2013. 2 (22), 148–155 (in Russ.).
5. Lyashok A. S. Transformation of children's everyday life in the socio-cultural space of the school (based on the material of the 1980s – 1990s): dis. on competition of sci. degree PhD in culturology: 24.00.01. Krasnodar, 2013 (in Russ.).
6. Solovyov I. Perestroika-continuation of the October case. Bonfire. 1988. 1, 1–2 (in Russ.).
7. Snider Dee. Survival course for teenagers. Peer. 1989. 7, 24–28 (in Russ.).
8. Communication center. Pioneer. 1991. 12, 8 (in Russ.).
9. Ikonnikova S. N. «Protective belt» of culture and strategies of attitude to childhood. Bulletin of the Saint-Petersburg State University of Culture. 2018. 4 (37), 56–59 (in Russ.).